

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 82-1 (17.82.10)

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-218-225

ТОПОС ИТАЛИИ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ОЦУПА

Е. А. Сафонова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Представлен топос Италии в поэзии Николая Оцупа. В первых эмигрантских стихотворениях дана критическая оценка Италии. Оцуп надеялся увидеть страну великой культуры, но увидел страну обывателей. Лишь постепенно негативные впечатления сменяются описанием особого художнического эстетического пространства Италии. Этому послужило знакомство в Италии с будущей женой. Анализ топоса Италии показывает путь героя от отчаяния – к постижению любви и веры.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, поэзия Н. Оцупа, Италия.

Начиная с XIX в. посещение Италии было необходимым для творческой биографии русских писателей и поэтов и говорило о приобщении к высокой культуре. Итальянские мотивы в лирике выделяли поэтов из массы «обывателей» [1]. В начале XX в. Италию посетили В. Брюсов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Цветаева, А. Блок, Н. Гумилёв, А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Кузмин, С. Чёрный, В. Ходасевич и др. В Италии продолжительное время жили И. Бунин, М. Горький, А. Амфитеатров, Б. Зайцев, Вяч. Иванов. «Путешествие в Италию – настоящее паломничество к святыням воплощенной красоты, к божественной радости. Италия – вечный элемент духа, вечное царство человеческого творчества. В Италии русскому вольно дышится. Мы любим в итальянцах дар переживания радости жизни, которого мы, русские, почти лишены. Мы – тяжелые, всегда ощущающие бремя жизни и мировую ответственность, любим легкость итальянцев», – писал Н. Бердяев [2].

Младший акмеист Н. Оцуп в августе 1922 г. под предлогом поправления здоровья уехал из России, еще не понимая, что покидает родину навсегда. Обстоятельства заставили Оцупа прожить за границей около 34 лет. Н. Оцуп жил во Франции, но свое сердце подарил Италии. Впервые Н. Оцуп посетил Италию в 1924 г. Он путешествовал с П. П. Муратовым – тонким знатоком итальянского искусства, в поездке они встретились с В. Ходасевичем и Н. Берберовой, вместе посетили Венецию и Рим. Впоследствии Н. Оцуп часто бывал в Кампании и Риме [3].

Первые стихотворения об Италии появились в эмигрантском сборнике «В дыму» (1926). Лейтмотивом книги становится путь лирического героя из дыма к свету, душевная растерянность сменяется поиском нового смысла жизни на чужой земле. В

книге представлены топосы Петербурга, Берлина, Парижа и Рима, связанные с фиксацией различных этапов духовной жизни поэта. Лирического героя терзают призрачные воспоминания о кровавых событиях, произошедших на родине. В то же время в ретроспекции Петербург приобретает черты утраченного идеального мира. В умирающем Петербурге жители восхищались силой искусства, а в Берлине и Париже обыватели суетятся и думают о мелочах. Европейское пространство воспринимается поэтом как варварское и бездуховное, представляющее угрозу целостности собственной культуры.

Н. Оцуп надеялся, что посещение Италии – страны великой культуры Античности и Возрождения – поможет ему избавиться от негативных впечатлений. Поэт ожидал увидеть страну, резко отличающуюся от обывательского пошлого мира других европейских стран. Но заочно влюбленный в Италию, Оцуп сначала испытал разочарование: «Чужая даль немилого ландшафта / Сиянием, увы! Не просквозит. / Где небо синее и с Палатина вид / На солнце, на историю, на завтра?» [4, с. 70].

В стихотворении «Вновь, забываясь до утра» дано контрастное описание страны: лирический герой ожидал увидеть «зареву и пламя природы», а увидел отблески городской рекламы. Технократическая сторона современной Италии не впечатлила Оцупа. Первые дни в Италии оказались для поэта безрадостными, страна оттолкнула своей благополучной обыденностью: «Нет ничему душа не рада – / Блистательные берега / И неба легкая дыра / Придавлены Вратами ада» [5, с. 56].

Оцуп описывает итальянскую Кампанию с ее центром Неаполем, вулканом Везувием и островом Капри, стремясь к точности в передаче увиденно-

го. Лишь постепенно описание обывательского реально-исторического пространства сменяется описанием особого «художнического пространства» Италии. Этому послужило знакомство в Италии с будущей женой Дианой Каррен¹. Диана Каррен стала преданным другом и музой поэта на всю жизнь, но обстоятельства сложились так, что супруги жили в гостевом браке. Оцуп подолгу жил с женой в Италии, но окончательно переехать к ней не мог, поскольку работал во Франции.

В лирике Н. Оцупа итальянские мотивы тесно переплетены с мотивом любви. В цикле стихотворений «Канцоны» (1925–1926) Оцуп обращается к истории и мифологии Италии, но пишет о музыке. Для поэта символом Италии становится Неаполитанская канцона: «Звучит *canzona napoletana*, / Мигнул маяк и вот исчез. / Любовь Изольды и Тристана / Не опечалит таких небес. <...> // Все удивительней канцона, / И море падает в ответ, / Нарядный берег ударяя. / Прозрачность эта голубая / И Капри острый силуэт / Сродни канцоне» [5, с. 56].

Жанр канцоны, лирического произведения о рыцарской любви, привлекает поэта объединением музыкального и поэтического начал. Оцуп перелагает на русский язык народные итальянские песни, воспевая тихую и благоухающую Кампанию: «Итальянец, который слагал / Эту музыку, эту канцону, – / Ты должно быть о смерти мечтал: / Я узнал по минорному тону / Черный вечер и мрачный канал. // Нет, канцоны значенье двойное, / Звук светлее – в минующем строе / Брежут гондола в лунном столбе / И сиянье, которое двое / Как один заключают в себе» [4, с. 72].

В отличие от В. Брюсова, Вяч. Иванова и М. Кузмина, имитировавших старейшую форму итальянской любовной лирики, Оцуп не прибегает к стилизации. Его канцоны близки стихотворениям Н. Гумилёва и используются в прямом значении – песня влюбленных. У Оцупа нет одиннадцати-сложников, песни написаны катренами, классическим четырехстопным ямбом. Стихотворения объединены общей темой – любовью к Прекрасной Даме, что сближает канцоны Оцупа со средневековой итальянской поэзией.

В стихотворениях Н. Оцупа о любви звучат религиозные мотивы, что не случайно, поскольку именно жена помогла поэту прийти к богу, по-иному взглянуть на окружающий мир: «В час утренний и до рассвета / Почти нездешней тишиной /

¹ Диана Александровна Каррен (1897, Киев – 1968, Лозанна) – артистка кино. Девичья фамилия Дианы – Каррен во всех справочниках указана как псевдоним, хотя это ее настоящая фамилия. Ее часто путают с другой артисткой немого кино, работающей в эти же годы – Леокадией Констанцией Рабинович (1888, Гданск – 1940, Аахен), которая взяла себе псевдоним Диана Каренн [6, с. 87].

Впервые жизнь моя одета. / Ты и незримая со мной – / Не тень, томящая ночами, / Не ослепляющий кумир – / Живая, бледная, с очами / Печальными, как Божий мир!» [4, с. 75].

В сборнике «В дыму» рядом с романтическими «Канцонами», описывающими провинциальную Италию, помещено стихотворение «Все ближе ко мне могила» (1926), посвященное величию католического Рима. Оцуп намеренно ставит в один ряд стихотворения, отсылающие к разным эпохам, акцентируя внимание на неделимости и семантической открытости итальянской культуры. Стихотворение начинается с размышления о смерти, а завершается исцелением: «Все ближе ко мне могила, / Все дальше начало пути. / Как часто душа просила / До срока с земли сойти. // Но бурно она влекома / По черным полям земным, / И вдруг я увидел Рим / И вздрогнул и понял: Roma! //» [4, с. 72].

Религиозные мотивы отчетливо звучат в стихотворении «Все ближе ко мне могила». Жизнь воспринимается лирическим героем как чудо, подаренное Творцом: теперь она озарена истинной любовью и духовным смыслом. Столица Италии – Рим приобретает устойчивую характеристику «города-рая», «земного Эдема».

В стихотворении «А все же мы не ожесточились» (1926) поэт пишет о свете, который постепенно открывается ему на итальянской земле: «Но где же свет? Над нами, рядом с нами / И в нас самих мерцает он порой – / Не этот погасающий ночами, / А тот, незримый, но вполне земной» [4, с. 76]. Свет находится «над нами», «рядом с нами», «в нас самих». Метафора Света связана с христианской концепцией и символизирует духовное просветление.

В представлении Оцупа Свет растворен в простых вещах и явлениях, однако не каждому человеку дано его увидеть. На мировоззрение Н. Оцупа оказала влияние концепция А. Бергсона, который считал, что художники обладают особым даром видения действительности [7, с. 47]. Бергсон полагал, что между природой и людьми находится плотный занавес («глухая стена»), между поэтами и природой – легкий занавес. Художник способен отодвинуть стену и увидеть Свет, озаряющий чудесный земной мир во всем своем многообразии, но для этого необходим жизненный порыв [7, с. 48]. Для Оцупа творческим порывом послужило посещение Италии. Вдохновение и пробуждение почувствовал поэт на святой земле, в стране вечных ценностей, колыбели творчества.

В целом впервые увиденная Италия вызвала у Оцупа несколько ассоциаций: 1. Это страна спокойствия. Частотны эпитеты и метафоры «глухая и мирная тишина» [4, с. 70], «ревнующая тишина» [4, с. 71], «мир спокойный и нарядный» [4, с. 71].

Пространство статично, здесь все дышит вековой безмятежностью, а покой синонимичен спасению. 2. Италия – страна печали. Лирический герой сначала испытывает одиночество, частотны упоминания: «унынье этих дней» [4, с. 70], «печальные мои мечты», «суровый и к печали жадный» [4, с. 71], «печальная весна», «к печали сердце приготовь» [4, с. 74], «земли просторная печаль» [4, с. 76]. Однако печаль лирического героя не обладает негативной коннотацией, это чувство имеет оттенок созерцательности, говорит об отсутствии лишних движений, погруженности в себя, поглощенности воспоминаниями. 3. Италия – страна Света. Свет ассоциируется с божественным откровением и прорывом к творчеству: упоминаются «спасительные лучи» [4, с. 72], «неожиданно светлый мир» [4, с. 72], «твое сиянье» [4, с. 73], «светлый воздух», «светает» [4, с. 75] и др.

В заключительных стихотворениях сборника «В дыму» Оцуп снимает антиномию «свое-чужое пространство», поскольку весь мир для него теперь «божий дом»: «Как хорошо, что в мире мы как дома / Не у себя, а у Него в гостях; / Что жизнь неуловима, невесома, / Таинственна как музыка впотьмах» [4, с. 77]. Любовь и вера помогают Оцупу ощутить единство мира, времени и вечности, истории, культуры и природы.

О своем духовном пути Н. Оцуп написал в поэме «Встреча» (1928), которая органически связана с книгой Оцупа «В дыму» и посвящена прозрению лирического героя, автор подводит итог определенному жизненному этапу.

Поэма «Встреча» была написана в Италии. В основе душевных переживаний автора – идея восхождения души к Свету. Не случайно Оцуп называл период жизни до посещения Италии духовным нигилизмом [4, с. 18]. Прочерчивая жизненный путь, поэт вводит религиозные параллели личным коллизиям: Исход («Царское Село») – Попытка жить в культуре («Проблески») – Ужасы реальности («Двадцатый год») – Искушения («Мираж») – Паломничество на Святую землю («Рим») – Прозрение («Встреча»).

В первой части поэмы автор пишет о своих годах учебы в Царскосельской гимназии: «Как эти дни запечатлеть / и как перехватить паденье? / Не может в воздухе висеть / Такая тяжесть... Наслоенье / Веков, исчезни; Третий Рим, / Эпоха цезарей, исчезни!» [4, с. 81]. Оцуп придерживается религиозно-историософской и политической идеи Третьего Рима, основанной на концепции переноса вечного города. Древнеримская державная традиция, по мнению поэта, нашла свое продолжение в северной столице Третьего Рима Петербурге. Вторая часть поэмы «Проблески» посвящена переложению мифа о троянце Энее, от которого ведут род

римские правители. Согласно концепции Третьего Рима от Октавиана Августа и Юлия Цезаря вели свое происхождение и русские цари. Современные реалии николаевской России поэт считает продолжением эпохи Цезаря. Существовало вневременное продолжение бытия Трои и вневременное продолжение единой царской династии, утвердившейся в самом начале мировой истории, однако революционные события 1917 г. положили конец взаимосвязи.

В начале части дано описание памятника А. С. Пушкина, а завершается часть описанием кабинета учителя Оцупа и директора Царскосельской гимназии И. Ф. Анненского. И. Анненский остро ощущал притяжение классической древности и прививал своим ученикам любовь к многогранной культуре Античности. И. Анненского Оцуп считает последним поэтом уходящей великой эпохи и тяжело переживает гибель великой императорской России (глава «Двадцатый год») [4, с. 81].

Римский сюжет об Энее также накладывается Оцупом на драматические биографические реалии личной жизни. Глава «Мираж» посвящена любовному помрачению лирического героя – мимолетной страсти к Дидоне, заставившей его на время позабыть об Италии. Воспоминания лирического героя о возлюбленной даны рядом с описанием фрески Микеланджело «Последний суд» (Ватикан, Сикстинская капелла, 1535–1541 гг.). Страстная любовь лирического героя сопоставима с круговым вихрем, изображенным художником. Глава «Италия» является кульминационной [8]. Формирование представлений о человеческой жизни как духовном пути, движении к Свету связано у русских в конце XIX – начала XX в. с освоением топоса Италии. Название главы указывает на результат пути, конечную точку паломничества лирического героя.

Италия – гордая, погруженная в воспоминания страна, где жизнь проходит неспешно, поэтому и просветление наступает не мгновенно, не сразу. Лишь постепенно современная Италия становится второй родиной, идеалом счастья и гармонии для лирического героя. В главе «Италия» дано описание природы Италии, это открытое пространство – холмы, горная цепь Аппенин, кривой путь реки Арно, кипарисы и оливы Кампании [4, с. 88]. Также представлено городское пространство: крыши и купола Флоренции, Римская площадь Навоны, архитектурный каскад трех фонтанов и фонтан Треви, архитектура Бернини, Капитолий. Поэта-акмеиста, внимательного к вещам, привлекает скульптурность, статуарность, пластика строгого мира. Державная панорама Рима величественна. Столица названа «водяной»: это город «дождя, зонтиков, водоемов, тумана» [4, с. 89]. Так тяжелая каменность Рима снимается наполнением водой. Эмигрант-

ские поэты искали в Риме черты Петербурга. Для Оцупа Рим становится альтернативой разрушенного и оставленного Петербурга, вечный город выступает его культурным заместителем, хранителем образов мирового искусства.

В Италии нет разлада между человеком и природой. Здесь душа лирического героя проходит «лечение» красотой природы, культуры и любви. Постепенно он избавляется от негативного предыдущего опыта, от социальной и даже национальной принадлежности. Он оказывается сопричастным единому, гармоничному миру: «Летит земля, необозрима, / Чудовищна и так мала, / А сердце в самом сердце Рима / Стучит. Не скрипнула пила; / Блеснув годичными слоями, / Не рухнул жизни крепкий ствол, / Но то явилось пред глазами, / К чему я, заблуждаясь, шел» [4, с. 90].

Заключительная глава поэмы – «Встреча» – посвящена встрече с Богом. Поэт цитирует главную иудейскую заповедь (Втор. 6, 4): «Слушай, Израиль: Бог Наш, Бог Един!» [4, с. 90]. Израиль – иудейское государство и часто выступает в оппозиции к католическому Риму, однако для Оцупа теперь не важна принадлежность к религиозной конфессии. На святой земле Италии Оцуп обретает душевное умиротворение.

В стихотворениях 1930–1940-х гг., опубликованных в периодических изданиях, образ Италии также репрезентативен: «Какая пальма!» [4, с. 104], «Поэт в изгнании» [4, с. 105], «Из города побег» [4, с. 107], «Я ничего не променяю» [4, с. 152], «Забор под дубом» [4, с. 157]. Пейзаж романтичен, это место влюбленных. В описании Италии цветовая палитра имеет устойчивый характер. Многократно акцентируется «лазурный» небесный цвет, противопоставленный «серому» небу Петербурга [4, с. 104]. По частоте упоминаний с «лазурным» цветом может соперничать только «синий», семантически связанный с чистотой и святостью. Поэт любит итальянское утро, а его любимое время года – весна [4, с. 104], что связано с обновлением.

Ключевой образ природы – горы: Аппенины, Палатин, Пинчио. Лирический герой любит вид с гор – мир, простирающийся как на ладони: «За все благодарю / Поверхности кривые, / Которые зарю встречают, как живые», «Я счастлив, как дитя... Благословляю горы!» [4, с. 107]. Горы – некое духовное межпространство. Предметно-осознательное переживание тяжести гор имеет символическое значение: горный путь – символ духовного возрождения. Лирический герой признается в любви к птицам, он часто наблюдает за ласточками, полет которых уводит из замкнутого пространства приземистых домов [4, с. 251].

Поэт считает, что Италия очень похожа на оставленную Россию, но ее отличают горы и те-

плый климат: «Забор под дубом... Желтый помидор, / Растение подперто хворостиной, / Все, как могло быть там, у нас. Но гор / Присутствие почти везде. Маслиной / И виноградом испещренный дол / И то, что в сентябре лишь ночью холод, / Напоминают мне, что я провел / В изгнание двадцать лет. Где был ты молод, / Там в эти дни не южная краса – / „В багрец и золото одетые леса“» [4, с. 157]. Цитата из известного стихотворения А. С. Пушкина показывает, что покинутая родина ассоциируется у Н. Оцупа с великой литературой, однако пространство Италии также становится родным и близким: «Поэт в изгнании. Его смягчают муки: / Он полюбить успел чужой народ, / И хоть нерусские он слышит звуки, / По-русски об Италии поет» [4, с. 105]. Итальянская речь проступает сквозь родной язык, часто в стихотворениях используются итальянские слова: *orega, Roma, bel canto, pieta* и др. Лирический герой признается, что одинаково любит как А. С. Пушкина, так и Данте.

В своем труде о Н. Гумилёве (1951) Н. Оцуп приходит к выводу, что ему довелось познать настоящую Италию в отличие от А. Блока и Н. Гумилёва, написавших «географические» итальянские стихотворения: «Подобно тому, как Розанов жалел о том, что Пушкин не посетил Рима вместо него, те, кому повезло ознакомиться с итальянской деревней, должны жалеть о том, что она так и осталась неизвестной Гумилёву. <...> Он должен был бы узнать Италию не туристическую, а крестьянскую. Во многих итальянских поселках жизнь мирных жителей весьма похожа на жизнь их предков. <...> Кривые улочки с домиками, прилепляющимися к скалам и размещенные так, что у одного крыша упирается на подвал другого. Старые церкви, построенные отчасти на камнях былых языческих храмов. Что и говорить о природе, которая расцветает здесь пышным цветом? О диких розах, которые никогда не увядают? О домашних животных, которые участвуют в жизни семей? О собирателях маслин, которые в разгар зимы поют, как птицы, на лестницах, прислоненных к многовековым стволам? Гумилёв ознакомился только с Италией больших городов. Он посещал знаменитые музеи и церкви, и его итальянские стихотворения, среди которых есть подлинные шедевры, чаще всего напоминают альбомные эскизы и не обладают чудесным единством его гимнов Африке. <...> Блок создавал свои итальянские стихи влюбленный, безумно ревнующий невесту, он осыпал упреками Флоренцию – этот “ирис нежный”. Как и Гумилёв, Блок игнорировал настоящую Италию, живую и живительную, поэтическую и в своих прозаизмах» [9, с. 85–89]. Оцуп сожалел, что для его любимых поэтов Италия не стала целебной панацеей.

Пожалуй, наиболее близок Оцупу в восприятии Италии – Вячеслав Иванов. В 1930–1940-х годах дружеские отношения между Вяч. Ивановым и Николаем Оцупом укрепились. Этому способствовал Оцуп, который желал преодолеть эмигрантский изоляционизм и стремился к открытому мировому пространству. Поэты часто встречались, вели переписку, спорили об искусстве и литературе, у них были общие знакомые: Илья Голенищев-Кутузов, Павел Муратов, Этторе Ло Гатто, Ольга Синьорелли, Ольга Шор. Оцуп высоко оценил произведения Вяч. Иванова «Повести о Светомире-Царевиче», поэму «Человек» [10]. Впечатления от «Римского дневника» (1944) Иванова Оцуп оставил в своем итоговом произведении «Дневник в стихах».

Н. Оцуп создавал свою монументальную поэму «Дневник в стихах» (1950) более пятнадцати лет; лирический роман состоит из 365 страниц (12 тысяч строк, что в два раза больше «Евгения Онегина»). «Дневник в стихах» разделен на три части (1935–1939), (1939–1945), (1945–1950), содержит бесчисленные отступления и размышления о России, Петербурге, ушедших друзьях и близких и т. д. Поэма испещрена реминисценциями, вводными конструкциями, скобками, инверсиями, анжамбманами, прозаизмами. Оцуп сознательно создавал нарочито затрудненное повествование, стремился к депозитизации языка, чтобы читатель не раз перечитывал его поэму, открывая глубокий замысел.

Итоговое произведение Оцупа близко жанру исповеди – это монолог автора, но в то же время голос поколения – «человеческий документ», обнажающий противоречия, смятение и разлад внутреннего мира поэта-эмигранта. Топос Италии занимает важное место в поэме, поскольку именно в Италии лирическому герою удается достигнуть гармонии. Через весь «Дневник» проходит личная лирическая тема Беатриче – просветляющей и очищающей любви, за которой скрывается религиозное мироощущение автора. Поэма посвящена жене, ее облагораживающей, возвышающей и спасительной любви, поэт преклоняется перед духовной силой и чистотой возлюбленной, он постоянно обращается за поддержкой и судом к своему идеалу – женщине, которая приводит поэта к Богу.

Обращение к жанру поэтического дневника является проявлением жанровых исканий эпохи, обусловленных онтологическим эмигрантским сознанием: тягой к мифотворчеству, иррационализмом и отражением религиозного опыта, стремлением к исповедальности и откровенности. Поэма обладает принципиальной установкой на автобиографический, субъективный характер повествования, личное, частное, «неотделанное высказывание». Можно говорить о максимальной прибли-

женности и отсутствию дистанции между авторским «я» и образом лирического героя.

Оцуп сознательно ориентируется на диалог с наследием мировой культуры, раскрывая посредством введения кода Данте биографические реалии. Первая часть поэмы воспекает жену Диану Каррен, описывает детские и юношеские годы героев, их встречу и размышления. Данте является провозвестником соловьевского учения о Софии, которое оказало влияние на Оцупа. Согласно концепции философа, просветление обретается путем очищения, избавления от чувственной и порочной страсти, сосредоточения мысли и воображения на Боге и всем, что ведет к Нему, переживания единства с Богом.

Божественный образ Софии Вл. Соловьёва переосмысливается Оцупом в акмеистическом ключе: его посланная небом возлюбленная – земная женщина, верная спутница, вдохновительница поэта. В построении личных отношений с любимой женщиной Оцуп отходит от культового служения Даме. Поэт признается: «Ты не Беатриче, ты другая – / И не только вечностью жива, / Говоришь со мною не из рая, / И свои лишь у тебя слова. / Ты не триумфальна безупречна: / В жилах – кровь, и для полубогинь / Слишком ты (без меры), человечна, / Но далекая и от рабынь / С их мечтами об одном полезном, – / Вся ты и в реальном, и в надзвездном» [4, с. 186].

Благодаря любви поэт обретает целостное гармоничное мироощущение, слияние мужского и женского начал приводит к внутреннему равновесию. Лирический герой возрождается нравственно, ощущает себя в новом духовном качестве, теперь для него открывается красота и величие окружающего мира. Как и для многих художников эмиграции, путь Данте является отражением собственного пути по запутанным кругам ада российской и эмигрантской жизни начала XX в., но поэту удается достигнуть внутреннего рая.

Н. Оцуп неоднократно писал о своих негативных впечатлениях от первого знакомства с Италией, однако в первой части «Дневника в стихах» эти воспоминания повторяются еще раз. По-видимому, для поэта было очень важно показать свои первые ощущения, для того чтобы читатель смог оценить глубину произошедших в нем перемен. Сначала Италия прозаизируется: «Возле Капитолия пеленки / На веревке сушатся, и голь / Смотрит из подвалов» [4, с. 236]. Задана оппозиция легкость – тяжесть жизни. Страна «оранжерейного тепла» [4, с. 215] дается в противопоставлении с «холодной» Россией, не случайно с любовью лирический герой говорит о Сибири [4, с. 238], суровой каторжной земле: «Утомляют пальмы, солнце, море... / Лучше леденящая зима, / Чем лазурь, сводящая с ума» [4, с. 215].

Боль итальянцев, живущих в теплом климате, кажется поэту искусственной по сравнению со страданием русских. Итальянские песни для него слишком веселые и звонкие, мало похожие на русские: «Генуя, Флоренция, Болонья, / Замки, панорамы, лъстивый гид, / Дом Колумба и гербы Торлонья, / Медичи... На площади – Давид / Микеланджело. Еще Уффици... / Все мелькает, спуталось, да тут / Век смотри, собьешься... Вихрем птицы / Вьются, звонко женщины поют / И белье полощут. Две колоды, / Хохот, фокусник чернобородый» [4, с. 215]. Развернутый перечислительный ряд достопримечательностей служит не для описания пространственных координат, а для отражения состояния лирического героя, сумбурности его чувств. В одном семантическом ряду оказываются города, дома, люди; бытийный и бытовой план совмещаются.

Хаотичность переживаний лирического героя передается в поэме с помощью нагромождения многочисленных упоминаний имен известных итальянцев: поэты Вергилий, Петрарка, Ариосто, Леопарди, Парини; художники Рафаэль, Тициан, Перуджино, Фра Беато, Сальватор Роза; архитектор Растрелли; композиторы: Росси, Россини; политик Мацини и мн. др. [4, с. 228, 251, 258, 263]. Интенсивность употребления антропонимов в поэме Н. Оцупа говорит об энциклопедичности и эрудиции автора, поэт мыслит историческими фактами и образами. Повседневная жизнь итальянцев и история и культура в сознании поэта слиты. Антропонимы становятся материалом для показа Италии как гигантского музея. Поэт считает, что груз былой славы накладывает отпечаток на жизнь простых итальянцев.

В то же время антропонимы автора больше соотносятся с мыслями о всеобщем, поэт стремится объять всю мировую историю. В одном ряду с известными итальянцами упоминаются и известные французы, русские, немцы и др. Поэт считает себя «гражданином вселенной» [4, с. 214]: «Человек – не Федя, не Антон, / А хотя бы Mario, Ermanno – / Теми же страстями упоен: / Сердце никогда не иностранно. <...> Родину любить еще не значит / Все другие страны презирать» [4, с. 217]. Поэт доказывает возможность диалога различных культур.

Вторая часть поэмы «Дневник в стихах» показывает жизнь поэта во время Второй мировой войны. В начале войны Н. Оцуп записался добровольцем во французскую армию. Во время отпуска в Италии его арестовали за антифашистскую деятельность и еврейское происхождение. Место его интернирования доподлинно неизвестно. По одной версии он находился в упраздненном женском монастыре Санта Мария деле Монаке в городе Изерния (регион Молизе) [11]. Ученик Н. Оцупа Жерар

Абенсур считает, что Оцуп сидел в лагере в городке Альберобелло, недалеко от города Бари [5, с. 87]. Более полутора лет Оцуп провел в концлагере, затем бежал с 28 военнопленными, скрывался в бенедектинском аббатстве Фарфа, о чем упоминает в своих воспоминаниях сын Вяч. Иванова Дмитрий [12]. В 1943 г. Оцуп стал участником итальянского Сопротивления, награжден военными медалями США и Великобритании.

Н. Оцуп проявил героизм во время Второй мировой войны, однако в автобиографическом произведении «Дневник в стихах» поэт, напротив, пишет о себе не как о герое, а как о предателе-грешнике, не прошедшем испытания, которые ему были посланы Богом.

Поэт с прискорбием пишет об установлении фашизма в Италии: «А сегодня в Риме что за жуть! / Но врагом я никогда не буду / Истинной Италии, ничуть не разбойнице» [4, с. 383]. Вторая часть начинается с воспевания юга Италии, белоснежных гор Тироля, в которых лирический герой находит временное пристанище, скрываясь от установленного режима Муссолини [4, с. 297]. Заданная оппозиция город / деревня подчеркивает идеальное пространство итальянской деревни. Деревня ассоциируется со свободой и бедностью, которая роднит Италию и Россию. Поэтом создается практически буколическая идиллия, резко прерываемая описанием войны, ареста и тюрьмы. Открытое пространство природы сменяется замкнутым пространством камеры и кельи монастыря. Люди в лагере за решеткой сравниваются с животными в клетке.

Лирический герой с честью проходит испытание тюрьмой и войной, но подвергается блуду [4, с. 388]. С исключительной серьезностью он пишет о своем грехопадении, переживая новый духовный кризис. В поэме говорится о двуличности лирического героя, которая сравнивается с двоякостью итальянцев: «Восхитительно у итальянца / То, что он рожденный гуманист / В масках герцога и оборванца, / Пусть, как говорят, мандолинист – / Он убит в запальчивости может, / Но, конечно, ближнему он друг, / Укрывающемуся поможет, / С тем, кто просит, на ухо не туг, / Весел, мил, приветлив, нет, рег Вассо! / Обаяние его двояко» [4, с. 452]. Друзья-итальянцы лирического героя одинаково легко грешат и совершают подвиги, но лирического героя грехопадение доводит до отчаяния.

Третья часть поэмы представляет собой покаяние великого грешника. Война закончилась, и после пяти лет разлуки происходит встреча мужа и жены, причем, если лирический герой за это время подвергся искушению, жена вела себя как святая. Любимая женщина прощает лирического героя, так в поэме реализуется богословская триада «грех –

покаяние – спасение» и с новой силой воплощается мотив нравственного возрождения «падшего блудника» узами брака. Лирический герой прошел через ад, очистился от главного греха – сладострастия и, наконец, обрел рай на святой земле Италии, в которой происходит долгожданная встреча с Богом и с самим собой.

Анализ топоса Италии показывает путь героя от отчаяния – к постижению божественной сущности любви. Обращение поэта к тексту Данте становится средством активизации общей памяти человечества в беспамятной современности. Итоговое произведение Н. Оцупа «Дневник в стихах» является знаковым комплексом, корреспондирующим акмеистические и общелитературные установки. Проекция на мифологическое время утверждает незыблемость культурных ценностей для поэта.

Таким образом, произведения Н. Оцупа об Италии гармонично встраиваются в ряд произведений об Италии русских писателей XIX и XX вв., для которых эта страна являлась идеалом, в то же вре-

мя топос Италии у Н. Оцупа приобретает оригинальные черты. В начале эмигрантского пути Италия предстает как обывательское обыденное пространство. Затем оно сменяется представлением об Италии как стране влюбленных, что связано со знакомством в Италии с будущей женой. Италия обретает черты рая, земного Эдема, поскольку здесь происходит приобщение поэта к вере. Поэт ценит величественный католический Рим, который становится заместителем оставленного Петербурга, но в то же время ему мила провинциальная Италия, где жизнь идет неспешно и неторопливо. Во время Второй мировой войны поэт становится в ряды итальянского Сопротивления, защищая страну как вторую родину. Италия для поэта – не туристическое место, а родная земля, особое эстетическое пространство культуры, веры и любви.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-00017a1.

Список литературы

1. Образы Италии в русской словесности (по итогам Второй междунар. науч. конф. Междунар. научно-исследоват. центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия» / ред. О. Б. Лебедева, Т. И. Пёчерская. Томск; Новосибирск, 2009: Изд-во Томского ун-та, 2011. 664 с.
2. Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. М.: Лига, 1994. С. 367–371.
3. Русские в Италии. URL: <http://www.russinitalia.it/index.php> (дата обращения: 30.07.2017).
4. Оцуп Н. А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. СПб: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 616 с.
5. Оцуп Н. А. В дыму. Париж: Петрополис, 1926.
6. Оцуп Р. Оцупы – моя семья: очерки о среднем поколении. СПб.: Лема, 2016. 172 с.
7. Бергсон А. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3: Материя и память. СПб.: М. И. Семенов, 1914.
8. Петрова Н. Г. О некоторых особенностях заглавий поэтического дискурса акмеистов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 180–183.
9. Оцуп Н. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб.: Logos, 1995. 200 с.
10. Смирнов Д. А. Итальянская тема в поэзии русской эмиграции в эпоху Второй мировой войны // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 3. С. 98–101.
11. Русская Италия. Сайт историка Михаила Талалая. URL: http://www.italy-russia.com/2014_07/ocup-nikolaj-avdeevich (дата обращения: 10.01.17).
12. Переписка Вяч. Иванова и Н. А. Оцупа: URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0300.shtml (дата обращения: 30.05.2017).

Сафонова Екатерина Анатольевна, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: Safonova_k@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.08.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-218-225

TOPOS OF ITALY IN NICHOLAY OTSUP'S POEMS

E. A. Safonova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

N. Otsup, Russian poet of the first wave of emigration lived abroad for 34 years. He lived in France, but his heart belonged to Italy. His first poem, dedicated to Italy, appeared in the book “In the smoke” (1926). N. Otsup was hoping to see a country of great culture, but found the country of philistines. Gradually his negative impressions were replaced

by descriptions of the aesthetic space of Italy, largely due to meeting with his future wife. In N. Otsup's lyrics Italian motifs are closely intertwined with motives of love and faith, as the wife has brought him to God.

The poem "Meeting" (1928) was dedicated to the enlightenment of the lyrical hero. Italy is a prideful country, where the life passes slowly, and therefore the enlightenment comes not very soon.

Italy took important place in the last N. Otsup's poem "Diary in verse". The poet dedicate it to his wife, which he compares with Dante Beatrice. Otsup describes the usual life of Italians, the idyll of rural Italy and also wrote with sadness about fascism. The poet joined Italian Resistance and fought for the country as for his second homeland. During the WWII he experienced a spiritual crisis, but he overcame adversity and found his Paradise in the Holy land of Italy. Analysis of the image of Italy shows the hero's journey from despair to the attainment of love and faith.

Key words: *Russian literature abroad, poetry of Nikolai Otsups, Italy.*

References

1. *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti (po itogam Vtoroy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Mezhdunarodnogo nauchnogo-issledovatel'skogo tsentra "Russia – Italia" – "Rossiya – Italiya". Red. O. B. Lebedeva, T. I. Pecherskaya* [Images of Italy in the Russian literature (following the results of the Second international scientific conference of the International scientific-research center "Russia – Italia" – "Rossiya – Italiya". Ed. O. B. Lebedeva, T. I. Pecherskaya]. Tomsk – Novosibirsk, TSU Publ., 2011. 664 p. (in Russian).
2. Berdyaev N. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art]. V. 1. Moscow, Liga Publ., 1994, pp. 367–371 (in Russian).
3. *Russkiye v Italiyi* [Russians in Italy] (in Russian). URL: <http://www.russinitalia.it/index.php> (accessed 30 July 2017).
4. Otsup N. A. *Okean vremeni: Stikhotvoreniya; Dnevnik v stikhakh; Stat'i i vospominaniya* [Ocean time: Poems; The Diary in verses; Articles and memoirs]. St. Petersburg, Logos Publ.; Dyusseldorf, Goluboy vsadnik Publ., 1993. 616 p. (in Russian).
5. Otsup N. A. *V dymu* [In a smoke]. Paris, Petropolis Publ., 1926 (in Russian).
6. Otsup R. *Otsupy – moyaya sem'ya: ocherki o srednem pokolenii* [The Otsups – my family: sketches about middle generation]. St. Petersburg, Lema Publ., 2016. 172 p. (in Russian).
7. Bergson A. *Sobraniye sochineniy v 5 t. T. 3: Materiya i pamyat'* [Collected works in 5 t. T. 3: Matter and memory]. St. Petersburg, M. I. Semenov Publ., 1914 (in Russian).
8. Petrova N. G. O nekotorykh osobennostyakh zaglaviy poeticheskogo diskursa akmeistov [About some peculiarities in titles of acmeists' poetic discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 180–183 (in Russian).
9. Otsup N. *Nikolay Gumilev. Zhizn' i tvorchestvo* [Nikolay Gumilev. Life and creativity]. St. Petersburg, Logos Publ., 1995. 200 p. (in Russian).
10. Smirnov D. A. Ital'yanskaya tema v poezii russkoy emigratsii v epokhu Vtoroy mirovoy voyny [Italian subject in the poetry of the Russian emigration during an era of World War II]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region – News of higher educational institutions. Ural region*, 2014, no. 3, pp. 98–101 (in Russian).
11. *Russkaya Italiya. Sayt istorika Mikhaila Talalaya* [Russian Italy. Site of the historian Mikhail Talalaya] (in Russian). URL: http://www.italy-russia.com/2014_07/ocup-nikolaj-avdeevich (accessed: 10.01.17).
12. *Perepiska Vyach. Ivanova i N. A. Otsupa* [Correspondence of Vyach. Ivanov and N. A. Otsup] (in Russian). URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_il/text_0300.shtml (accessed: 30.05.2017).

Safonova E. A., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: Safonova_k@mail.ru